

Научная статья

УДК 165.0:82

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-5-20

Фукидид и Л. Бонжур: ненамеренные убеждения и структура обоснования, ограниченного одним источником данных

Никита Владимирович Головко^{1,2}

Илья Игоревич Эртель²

¹Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

²Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия

¹golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

²ilyaehrtel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0891-0709>

Аннотация

Цель работы – показать, как на практике могут соотноситься требование сохранения когерентности системы убеждений и соответствующее поведение «ненамеренных убеждений» в концепции эмпирического знания Л. Бонжура. В качестве примера рассматриваются рассуждения П. Коссо о достоверности «Истории» Фукидида с точки зрения представления возможности обоснования знания в ситуации, когда мы ограничены исключительно одним источником (типом) данных. В качестве эвристики рассматривается проблема того, как зафиксировать контекстную зависимость вывода и в целом структуры обоснования знания в рассматриваемой ситуации. Во-первых, ничто не мешает дополнить концепцию Л. Бонжура представлением о немонотонном характере обоснования и когерентности в исходной системе убеждений. Такой шаг, в частности, позволит отказаться от необходимости аргумента «от метаобоснования». Во-вторых, интерпретация «ненамеренных убеждений», их обоснования и фактов, фиксирующих то, нарушают ли эти убеждения когерентность исходной системы или нет, как паттернов (в смысле фундаментальной концепции существования Д. Росса) дает возможность (например, за счет фиксации «интерпретирующей перспективы» и «функциональной роли» проекции) содержательно проинтерпретировать «контекстную зависимость» в каждом конкретном случае.

Ключевые слова

знание о прошлом, обоснование, когерентизм, метаобоснование, немонотонный вывод, контекстная зависимость, паттерн, философия археологии, П. Коссо, Л. Бонжур

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00739 «Эпистемическая независимость в моделях обоснования знания о прошлом: теории среднего уровня и взвешенная когерентность», <https://rscf.ru/project/23-28-00739/>

© Головко Н. В., Эртель И. И., 2022

Для цитирования

Головко Н. В., Эртель И. И. Фукидид и Л. Бонжур: ненамеренные убеждения и структура обоснования, ограниченного одним источником данных // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 4. С. 5–20. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-5-20

Thucydides and L. Bonjour: spontaneous beliefs and the structure of justification restricted to a single source of evidence

Nikita V. Golovko^{1,2}

Илья И. Эртель²

¹Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

²Institute of Philosophy and Law, SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

¹golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

²ilyaehrtel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0891-0709>

Abstract

The paper aims to show how in practice the requirement to maintain the coherence of the system of beliefs and the corresponding behavior of «spontaneous beliefs» within the concept of empirical knowledge by L. Bonjour can be correlated. The main example considered is P. Kosso's arguments about the reliability of Thucydides' «History» connected with the idea of possibility of justification restricted to a single source of evidence. As a heuristics we deal with the problem of how to establish the contextual dependence of inference and, in general, of the structure of the justification of knowledge within the given situation. First, it is possible to extend L. Bonjour's concept with the idea of the nonmonotonic nature of justification and coherence of the original system of beliefs. Such a step, in particular, will make it possible to abandon the need for the argument «from meta-justification». Second, the interpretation of «spontaneous beliefs», their justification and facts fixing whether these beliefs violate the coherence of the original system or not, as patterns (in the sense of the fundamental concept of existence by D. Ross) makes it possible (for example, due to the exact understanding of «interpretative perspective» and «functional role» of the projection) to meaningfully interpret the «context dependence» in each particular case.

Keywords

knowledge of the past, justification, coherenetism, meta-justification, nonmonotonic inference, context dependence, pattern, philosophy of archeology, P. Kosso, L. Bonjour

Acknowledgements

The reported study was funded by Russian Science Foundation grant № 23-28-00739 «Epistemic independence within the models of justification of the knowledge of the past: middle-range theories and weighted coherence», <https://rscf.ru/project/23-28-00739/>

For citation

Golovko N.V., Ertel I.I. Thucydides and L. Bonjour: Spontaneous Beliefs and the Structure of Justification Restricted to a Single Source of Evidence. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 4, p. 5–20. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-5-20

В плане иллюстрации проблем и возможностей когерентистской модели обоснования знания «История» Фукидида – это пример ситуации, в которой обоснование ограничено практически исключительно самим письменным источни-

ком. В общем случае обоснование знания о прошлом предполагает сопоставление данных разных типов – например, письменных и материальных источников, если мы говорим об истории, или результатов независимых вспомогательных теорий, интерпретирующих имеющиеся данные, если мы говорим о доисторическом периоде. В случае отсутствия адекватных археологических данных мы попадаем в ситуацию, в которой, условно, не будет сопоставления «теоретического» и «эмпирического» в том виде, как мы привыкли понимать обоснование знания в естественных науках. Конечно, говоря об истории, мы в целом находимся в парадигме, когда знание строится на основании данных, которые у нас есть именно *сейчас*¹. В этом смысле такой тип обоснования по определению можно назвать «внутренним», поскольку основания для придания определенного эпистемического статуса одной части «описания» мы ищем в той же самой системе убеждений, полагая одни «представления» по каким-то причинам «более обоснованными», чем другие. «История» Фукидида, по сути, – это единственный достаточно масштабный дошедший до нас источник информации о Пелопоннесской войне. Сама война велась между Афинами и Спартой в конце V века до нашей эры за господство в прилегающих районах Средиземного моря и закончилась поражением афинян². И вопрос, естественно, не о самой войне, а о том, в каком смысле мы можем обоснованно утверждать в эпистемическом плане, что описание войны, предложенное Фукидидом, достаточно достоверно?

Ниже мы отдельно приведем в пример одну из наиболее интересных, в нашем случае, трактовок «Истории» Фукидида – рассмотрим работу Питера Коссо «Исторические данные и эпистемическое обоснование: Фукидид как пример» [1993], а также кратко остановимся на основных, на наш взгляд, моментах концепции эмпирического знания Лоуренса Бонжура с целью составить общее представление о структуре обоснования знания в ситуации, когда мы ограничены исключительно одним источником (типом) данных. Наша гипотеза заключается в том, что «неявную информацию, заключенную между строк», значимость которой для обоснования знания о прошлом подчеркивает П. Коссо, можно интерпретировать как «новые эмпирические (observational) данные», по отношению к которым в концепции Л. Бонжура должна сохраняться когерентность³. В этом смысле наличие достаточно обоснованных «ненамеренных убеждений», которые

¹ Не вдаваясь в детали дискуссии о доверии историков к тому, что было написано до них, приведем известную цитату К. Маккуллаха: «В общем случае историки обосновывают свои выводы о прошлом на основании их собственных убеждений относительно данных (observable evidence), которые есть у них в настоящий момент. Этот факт может смутить тех, кто полагает, что достоверность исторического описания зависит от согласованности (coherence) с другими принятыми убеждениями о прошлом в том же самом смысле, как если бы они отвечали имеющимся данным. Подобное допущение *искажает* представление о важности данных для историков. Если историческое описание неправомерно несовместимо с тем, что мы наблюдаем, то в такой ситуации историки скорее усомнятся в описании, чем в том, что они наблюдают» (курсив наш. – Н. Г., И. Э.) [McCullagh, 1984, p. 91–92].

² См.: «Пелопоннесская война» (ред. 16 ноября 2022). Википедия. Свободная энциклопедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Пелопоннесская_война (дата обращения: 08.12.2022)

³ Естественно (замечание рецензента), в общем случае, «неявная информация» – это сырые данные. И здесь речь идет об уже эксплицированной информации. Данные в собственном смысле (как то, что дано) возникают в результате «интерпретации» (концептуализации). В этом смысле «новые эмпирические данные» – это рефлексивная экспликация неявной информации, то есть ненамеренные убеждения, и именно последние соответствуют «спонтанным» убеждениям Л. Бонжура.

нарушают предполагаемую связность того, о чем говорится в «Истории», – это достаточный признак того, чтобы предположить, что альтернативные объяснения (как основания для выстраивания «новой когерентности») хорошо обоснованы и что, возможно, нам следует признать нарратив «Истории» недостоверным. Отдельно рассматривается вопрос о том, как в рамках приведенной интерпретации рассуждений П. Коссо в терминах концепции эмпирического знания Л. Бонжура следует отразить контекстную зависимость вывода и в целом структуры обоснования знания в рассматриваемой ситуации. Во-первых, ничто не мешает дополнить концепцию Л. Бонжура представлением о немонотонном характере обоснования и когерентности в исходной системе убеждений. Такой шаг, в частности, позволит отказаться от необходимости аргумента «от метаобоснования». Во-вторых, интерпретация «ненамеренных убеждений», их обоснования и фактов, фиксирующих то, нарушают ли эти убеждения когерентность исходной системы или нет, как паттернов (в смысле фундаментальной концепции существования Д. Росса) дает возможность (например, за счет фиксации «интерпретирующей перспективы» и «функциональной значимости» проекции) содержательно интерпретировать «контекстную зависимость» в каждом конкретном случае.

Фукидид в представлении П. Коссо

Сложно представить, что у нас нет достаточного количества эмпирических данных, на основании которых мы не можем достаточно хорошо интерпретировать такое знаковое событие для античной Греции, как Пелопоннесская война. Однако, погружаясь именно в эпистемическую (не собственно историческую) проблематику, мы можем заметить, что *вспомогательные теории, которые придают значение и достоверность данным, на которых проверяется исходная теория, должны быть от нее эпистемически независимы*. Например, обоснованием достоверности того, что описано в исторических летописях, должны быть археологические данные. Парадокс заключается в том, что кроме текста «Истории» у нас практически нет ничего, на основании чего мы могли бы заключить о достоверности того, о чем говорит Фукидид. Слова автора в каком-то смысле должны обосновывать сами себя. Естественно, это частный случай «внутреннего» обоснования, характерного для исторической науки в целом. И ключевой вопрос, который тут можно задать, – вопрос о структуре обоснования знания в ситуации, когда мы ограничены исключительно одним источником (типом) исходных данных. Какого рода когерентистская модель обоснования знания здесь будет работать, какие ее элементы будут наиболее значимы в плане обоснования эпистемического статуса тех или иных убеждений о прошлом и почему?

Нельзя сказать, что «История» Фукидида обделена вниманием исследователей. И тем не менее, отправной точкой нашей реконструкции является не позиция историка, а позиция философа. На наш взгляд, П. Коссо удалось схватить весьма важный момент, связанный с появлением в когерентной системе новых убеждений, фиксирующих «неявную информацию, заключенную между строк», которые можно использовать и как основания для обоснования других убеждений, и как «потенциальные фальсификаторы» для обоснования всей системы в целом.

Таким образом, задается содержательный критерий неоднородности убеждений, входящих в когерентную систему, по их эпистемическому статусу. Последнее важно, так как этот факт открывает возможность соответствующим образом проинтерпретировать концепцию эмпирического знания Л. Бонжура на конкретно-научном материале и построить частное решение проблемы структуры обоснования знания в ситуации, когда мы ограничены исключительно одним источником (типом) исходных данных. Начнем с того, как П. Коссо интерпретирует материальные источники, которые мы могли бы привлечь для оценки достоверности написанного Фукидидом. Количество материальных источников, которые могли бы подтвердить либо в той или иной степени могли бы считаться релевантными нарративу Фукидида, минимально: «Решения Народного собрания об организации Сицилийского похода, записи о выплатах афинским генералам – это независимые подтверждения того, о чем говорит Фукидид. Но таких данных мало, их недостаточно для системного и детального обоснования. Как отмечает Уильям Уоллес: “Результаты разочаровывают. Фукидид лучше подходит для восстановления картины принимаемых [политических] решений, чем [доступная информация о политических] решениях для понимания Фукидида”». Но даже эти несколько обнаруженных соответствий переводят текст из разряда художественная литература в разряд история и дают основания попытаться глубже обосновать написанное» [Kosso, 1993, p. 6–7]. Конечно, есть еще описания затмений и чумы, которые вместе с выбранным стилем повествования (разбивающим каждый год войны на лето и зиму, что в идеале позволяет с точностью до полугода определить, когда что-то произошло) могут считаться независимым подтверждением тех или иных событий⁴. Нельзя сказать, что нарратив Фукидида полностью лишен «эвиденциального подкрепления», но эти описания скорее о «физических», а не об «исторических» событиях. В этом смысле при наличии подходящих «вспомогательных теорий», связывающих «физические» и «исторические» события (например, хорошая математическая модель, рассчитывающая затмения Луны на широте Афин назад в прошлое), ничто не запрещает нам решать вопрос о достоверности «Истории» в традиционном ключе.

Говоря о письменных источниках, которые могли бы играть роль «независимых источников данных», П. Коссо вводит важное разделение между «письменными источниками, касающимися тех же вещей и событий» и «источниками, в которых другие авторы непосредственно пишут о Фукидиде, его стиле и методе подачи материала»⁵. В первом случае: «Геродот и Ксенофан описывают события, которые непосредственно предшествуют и идут сразу за теми событиями, которые описывает Фукидид. И в том самом смысле, в каком описания Фукидида согласуются с описаниями Геродота и Ксенофана, – в этом же самом смысле мы можем считать, что описания Фукидида внутренне согласованы. Диодор и Плутарх

⁴ См., например: «Затмения Фукидида» (ред. 22 марта 2022). Википедия. Свободная энциклопедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Затмения_Фукидида (дата обращения: 08.12.2022) и «Афинская чума» (ред. 26 ноября 2022). Википедия. Свободная энциклопедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Афинская_чума (дата обращения: 08.12.2022).

⁵ В оригинальной работе П. Коссо приводит несколько (больше двух) направлений анализа текста, которые должны указать на те или иные характеристики, по которым мы можем судить о достоверности повествования.

описывают договор с Мегарами и осаду Сиракуз в полном соответствии с тем, что об этом пишет Фукидид. И есть основания предполагать, что они пользуются независимыми источниками. Они живут позже Фукидида и ссылаются на Эфора Кимского, и в этом смысле могут не просто повторять Фукидида» [Kosso, 1993, p. 7–8]. Как мы видим, с точки зрения апелляции к согласованности описаний «тех же вещей и событий», взятых из разных источников, скорее всего, мы могли бы считать эту согласованность признаком объективности. Во втором случае: «Понимание оснований позиции автора, где он был, с кем он был близок и т.д., помогает понять, почему он сосредоточен на том, чтобы осветить именно эти вещи, именно в такой перспективе, почему он именно так интерпретирует имеющуюся информацию. Фукидид был включенным наблюдателем, офицером афинской армии, и это важный факт для понимания достоверности того, о чем он говорит. Большая часть была написана после (on leave from) армии, но, скорее всего, он сохранил надлежащее представление о том, кто на самом деле “хорошие парни”. Его субъективность могла повлиять на точность. Понимание собственной позиции Фукидида помогает отделить факты от вымысла. В работе «Фукидид» Дионисий Галикарнасский (1 век до нашей эры) отмечает немногословность и темп изложения, акцент на стиле, а не на точности или методологии. Подобные оценки может сделать каждый из нас, поскольку они не предполагают никакой дополнительной информации об авторе, кроме знакомства с его текстом. С точки зрения данных (evidence), мы фиксируем конечное состояние, но никак не сам процесс, который привел к этому конечному состоянию» [Kosso, 1993, p. 8]. И вот здесь появляется то, что заставило нас обратить внимание на работу П. Коссо. Речь идет именно об «оценках, которые может сделать каждый из нас».

Как отмечает П. Коссо: «Более эффективная стратегия [по отношению к той, в которой мы выделяем позитивные признаки объективности повествования] будет заключаться в том, чтобы *апеллировать к непрямым характеристикам обоснования, к ненамеренной информации, заключенной между строк...* Это не то, о чем Фукидид говорит сам, но аспекты его метода, которые проявляются в характеристиках его текста и которые могут служить *ненамеренными данными в пользу достоверности*» (курсив наш. – Н. Г., И. Э.) [Там же, p. 9]. В данном случае мы должны разделить, условно, «научный» и «философский» контексты. Первый касается того, о чем, собственно, говорит Фукидид, а второй – того, как мы могли бы представить «Историю» с точки зрения когерентистской модели обоснования знания в позитивном ключе – с точки зрения наличия в системе убеждений определенных именно *эпистемических* индикаторов, характеризующих достоверность убеждений. Мы уже согласились с тем, что согласованность различных точек зрения на событие, акцент на том, что мы должны учитывать разные точки зрения, – это индикатор достоверности. Но в общем случае это не так. Тот факт, что Фукидид включил в повествование точки зрения как афинян, так и спартанцев, может быть просто «правилом хорошего тона» в том, что касается демонстрации «объективности» освещения событий очевидцем. Однако с точки зрения «логики обоснования» само наличие в тексте точек зрения обеих сторон конфликта может и не быть значимым признаком достоверности. Такой прием может быть просто отрежиссированным *риторическим* приемом, цель которого –

не достоверность, а внимание читателя. Ведь «для того, чтобы дебаты были эффективны, мы должны находиться в ситуации, когда стороны слышат друг друга» [Kosso, 1993, p. 11]. Это и есть пример вычитываемой «ненамеренной информации, заключенной между строк» (ее нет в оригинальной системе, внутри которой мы обсуждаем обоснованность убеждений, для системы это новая информация, и она появляется только после того, как историк [читатель] по каким-то причинам задумается об этом), которая и помогает определиться с эпистемической состоятельностью описания. Если противопоставляемые в тексте точки зрения не осознавались таковыми противостоящими сторонами, самими «принимающими решения» субъектами, то они не могут считаться «данными», которые мы, например, можем использовать для того, чтобы, опираясь на них, обосновать достоверность описываемых событий. Такие характеристики текста как «согласованность», «разнообразие примеров», «внимание к деталям» и другие могут быть результатом того, что у автора хорошо развит навык «работы с текстом», но никак не признаками достоверности информации об описываемом событии. Другой пример «ненамеренного убеждения», которое приводит П. Коссо и которое может возникнуть у историка, анализирующего «Историю», – это указание на то, что Фукидид не всегда оправданно «вкладывает в уста и головы» говорящих их мотивы и представления: «Он легко сообщает о том, о чем думают другие люди, даже не заботясь о том, что написать “предположительно, х думал, что”. Часто приводят в пример то, как Фукидид описывает мотивы, ощущения и ход мыслей Клеона при планировании и осуществлении захвата Пилоса в 425 году: “Клеон знал, что становится непопулярным”. Нет оснований считать это описание чем-то кроме вымысла (*invention*), поскольку Фукидид, насколько позволяют судить данные, не был близок к Клеоном. У него не было основания в достаточной степени судить об оценке событий самим Клеоном» [Там же, p. 12]. По отношению к тексту «Истории», по отношению к выстраиваемой (и наверняка желанной с точки зрения Фукидида) согласованной, взаимно объясняющей картине описания исторических событий подобные наблюдения действительно имеют вид новых «ненамеренных» убеждений, которые, следуя П. Коссо, должны играть конструктивную роль в оценке достоверности повествования. В каком виде?

Одним из примеров, который приводит П. Коссо, интерпретируя конструктивную роль появляющихся «ненамеренных убеждений», является элиминативизм. В духе фальсификационизма К. Поппера отмечается, что «ненамеренные убеждения», скорее, должны будут играть «отрицательную», а не «положительную» роль, – они должны не подтверждать «истинность повествования», а указывать на факторы, которые эту «истинность повествования» должны разрушить (как, например, указание на то, что согласованность текста не является однозначным критерием его достоверности): «Достоверность данных не является результатом позитивной проверки [подтверждения] индикаторов достоверности. Обоснование [статус] является результатом выживания (*survival*) утверждения по результатам нескольких потенциально элиминирующих проверок. Процесс обоснования состоит не в том, чтобы обнаруживать признаки истинности, но признаки ложности. Искать признаки ложности и не находить их» [Kosso, 1993, p. 12]. Последнее наводит на мысль о том, что, говоря о когерентной мо-

дели обоснования, в данном случае важна не когерентность сама по себе, но сохранение когерентности при добавлении новых данных, в роли которых могут выступать отмеченные «ненамеренные убеждения». Предполагается, что единственным правдоподобным объяснением того, почему при изменении (не только по объему, но и с точки зрения того, что источником «ненамеренных убеждений» является читатель, а не автор) данных когерентность сохраняется, является тот факт, что когерентность изначально не является случайной. Как следствие, говоря о структуре обоснования знания в ситуации, когда мы ограничены одним источником (типом) данных, мы можем рассмотреть аналог хорошо известного аргумента «Чудеса не принимаются», – прогресс науки был бы похож на чудо, если бы научное знание не отражало бы объективную реальность. В нашем случае *достоверность знания связывается с требованием «динамического сохранения когерентности» перед лицом новых данных*. Подчеркнем, важна не когерентность сама по себе (хорошо согласованная система не обязательно будет достоверной), а признаки, которые ее «фальсифицируют». Устойчивость когерентной системы по отношению к «новым» данным, в роли которых, например, могут выступать «ненамеренные убеждения», являющиеся следствием рефлексии историка о роли тех или иных характеристик текста (либо характеристик событий, вычитанных из текста) в эпистемическом анализе его достоверности, не может быть случайной. И это приводит нас к концепции эмпирического знания Л. Бонжура, который буквально говорит аналогичные вещи: «Только в том случае, если система убеждений, описывающая мир, *остается относительно стабильной достаточно долго*, у нас появится основание полагать, что [некоторые] убеждения с высокой вероятностью могут быть истинными. Эта стабильность с течением времени является одним из аспектов представления о динамической когерентности. Система убеждений будет получить новые (input) эмпирические данные, и именно *сохранение когерентности перед лицом новых данных* будет говорить о [приближенной] истинности системы... Сложно представить, что система убеждений, которая непрерывно получает новые данные, будет оставаться когерентной в течение времени, *не пересматривая* то, что [какие-то факторы, новые убеждения] может разрушить ее стабильность. Одно из объяснений состоит в том, что такая система убеждений отвечает объективной реальности, которую она описывает *достаточно строго* (closely enough) для того, чтобы минимизировать потенциальный вред [который могут принести новые данные]. Наилучшим *объяснением* сохранению стабильности со временем является то, что (а) когнитивно спонтанные (spontaneous) [ненамеренные, новые] убеждения, которые являются достоверными внутри системы, систематически являются следствием определенного рода ситуаций, которые [они собственно] и отражают (depict), и (б) вся система убеждений соответствует в известной степени объективной реальности, которую она описывает» (курсив наш. – Н. Г., И. Э.) [Bonjour, 1985, p. 170–171]. Ниже мы постараемся выделить и осветить основные характеристики концепции Л. Бонжура таким образом, чтобы подчеркнуть то, в каком смысле мы могли бы связать ее и идею П. Коссо о значимости «неявной информации, заключенной между строк» для понимания структуры обоснования знания в ситуации, когда мы ограничены исключительно одним источником (типом) данных.

Когерентность и новые данные

На наш взгляд, основной элемент концепции Л. Бонжура, который может быть нам полезен в контексте ответа на вопрос о структуре обоснования знания в ситуации, когда мы ограничены одним источником (типом) данных, – это его представление о «спонтанных (spontaneous) убеждениях», которые мы будем называть «ненамеренными», в системе «эмпирических (observational) убеждений»⁶. Допустим, мы задаемся вопросом: «Какого цвета то самое платье от Roman Originals?»⁷. В эпистемической перспективе это не вопрос о том, какого оно цвета (или какого цвета лист бумаги, на который падает свет, проходящий через розовые линзы очков). Это вопрос о том, как мы можем обосновать (в эпистемическом смысле, т.е. какие шаги аргумента должны быть пройдены, чтобы у нас появилась возможность приписать определенный эпистемический статус) убеждение о том, что цвет платья такой-то и такой-то. Примечательно то, что исходным пунктом рассуждения для Л. Бонжура выступает позиция У. Селларса, который говорит о том, что «достоверность (credibility) [эмпирических убеждений] является функцией того, как именно убеждение было произведено (came to exist) определенным образом и в определенных обстоятельствах»: «Данное эмпирическое убеждение [как единичный представитель определенного класса эмпирических убеждений] обладает (possess) достоверностью, которая зависит не только от его содержания, но и каким-то образом зависит от способа, каким оно принимается (comes to be accepted), который зависит от его зарождения (origin) в сознании субъекта» (курсив автора. – Н. Г., И. Э.) (Цит. по [Bonjour, 1985, p. 115]). Как отмечает Л. Бонжур: «Селларс характеризует этот процесс [который заканчивается принятием эмпирического убеждения] как ситуацию, в которой человек занимает определенную “позицию” в особой лингвистической или концептуальной “игре” в стиле стимул – реакция, при этом “позиция” определяется не стимулом, а реакцией. Нечто похожее на взгляд Селларса представляется мне основным ингредиентом, который требуется для того, чтобы когерентная теория была бы корректным представлением эмпирического знания. *Убеждения приходят извне системы, но обосновываются только внутри нее.* В этом смысле обоснование эмпирических убеждений всегда зависит от уже принятого знания о том, что *убеждения определенного вида являются номологически достоверными индикаторами актуального присутствия тех фактических ситуаций, чье существование они описывают.* И это не означает, что субъект должен *заранее знать все*, что относится к отме-

⁶ В данном случае мы намеренно выбираем по смыслу перевести «спонтанный (spontaneous)» как «ненамеренный», именно в смысле *unintended*, поскольку усматриваем близость того, как Л. Бонжур говорит о «спонтанных убеждениях», и того, как Х. Патнэм говорит о «ненамеренных интерпретациях». Следуя Х. Патнэму: «Совокупное использование языка (total use of language) [подразумевается удовлетворение всем теоретическим и операциональным ограничениям на интерпретацию терминов] не фиксирует единственность намеренной интерпретации в большей степени, чем аксиоматическая теория множеств... не может исключить ненамеренных интерпретаций» [Putnam, 1980, p. 466]. «Спонтанные убеждения» Л. Бонжура и «ненамеренные интерпретации» Х. Патнэма близки по характеру их «природы», так как язык у Х. Патнэма также является когерентной системой.

⁷ Здесь мы имеем в виду известный «дрессгейт» 2015 года, связанный с обсуждением оптической иллюзии, возникающей вследствие явления хроматической адаптации. См.: «Феномен синего или белого платья» (ред. 21 августа 2022). Википедия. Свободная энциклопедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Феномен_синего_или_белого_платья (дата обращения: 08.12.2022)

ченному “принятому знанию”. Какие-то убеждения будут *приниматься* прежде, чем другие, но их статус как *обоснованных* зависит от того, как они согласуются (fit) с другими, формируя когерентную систему убеждений» (курсив наш. – Н. Г., И. Э.) [Там же, р. 116]. Более того, «эмпирические убеждения являются эпистемически обоснованными только в силу принятого (background) эмпирического знания, а значит ненамеренные (spontaneous) убеждения являются эпистемически достоверными в силу следующих *условий*. Во-первых, должен существовать класс или категория этих ненамеренных убеждений, который должен выделяться и быть распознаваемым субъектом, который ими [убеждениями] оперирует. Во-вторых, этот класс должен быть эпистемически достоверным по отношению к предмету убеждений: убеждения, когда они появляются, с высокой вероятностью являются истинными, либо они с высокой вероятностью появляются в ситуации, для которой определены специфические условия появления таких достоверных убеждений. В-третьих, субъект должен иметь когнитивный доступ к основаниям [посылкам] обоснования: он должен распознавать соответствующие убеждения, отличать их от других; должен принимать (believe), что эти убеждения в определенных условиях являются достоверными в нужной степени, и это его убеждение должно быть обоснованно; должен обоснованно принимать, что отмеченные условия достоверности действительно достигаются» [Там же, р. 122–123]⁸. Когда мы говорим о значимости «неявной информации, заключенной между строк», очевидно, что новые «ненамеренные убеждения» (представление в тексте точек зрения всех сторон конфликта на самом деле может не быть хорошим признаком достоверности получаемой информации) должны удовлетворять этим критериям. Примечательно то, что у Л. Бонжура есть еще одно условие, которому должны удовлетворять «ненамеренные убеждения».

Как отмечает Л. Бонжур, «важно четко понять, что требование: “любая адекватная модель эмпирического знания должна *требовать*, а не просто допускать возможность поступления (input) [новых] данных со стороны мира в когнитивную систему, поскольку без этого любая согласованность между системой и миром может быть только случайной”, является *априорным*. Это *априорная* истина,

⁸ Последнее условие, на наш взгляд, является одним из ключевых: «Когерентистское обоснование существенным образом зависит от способности субъекта *рефлексивно схватить (grasp) собственную систему убеждений*; много зависит от того, на что именно обращает внимание субъект, и от предварительных допущений, которые он считает корректными. Отдельные вопросы, касающиеся содержания системы убеждений, могут быть разрешены интроспективно. Например, если я задаюсь вопросом: есть ли у меня убеждение В, которое я думаю, что у меня есть, то я могу рефлексивно проанализировать этот вопрос и сформировать (или нет) подходящее ненамеренное убеждение. Естественно, обоснование этого нового ненамеренного убеждения (или негативного знания, что у меня не получилось его сформировать) будет зависеть от того, насколько я рефлексивно схватываю систему» (курсив наш. – Н. Г., И. Э.) [Bonjour, 1985, р. 137]. Показательно то, как Л. Бонжур интерпретирует содержание памяти: «Обоснование событий в памяти субъекта будет зависеть от того факта, что определенные виды когнитивно ненамеренных убеждений могут (изнутри системы) считаться достоверными. При этом сами воспоминания также будут являться *поступившими* (новыми) для когнитивной системы убеждениями, т.е. убеждениями, принятыми с точки зрения системы, но чье когнитивное содержание не выводится из других убеждений системы. Когнитивная система, которая не может приписать достоверность уже согласованным в ней ненамеренным убеждениям, должна будет предложить альтернативное объяснение этой согласованности просто для того, чтобы сохранять надлежащую степень когерентности» [Там же, р. 155].

что эмпирическое знание об объективной реальности невозможно без поступления данных, что когнитивная система должна считать достоверными некоторые из ненамеренных убеждений, если она содержит [претендует на то, чтобы содержать] эмпирическое знание» (курсив автора. – Н. Г., И. Э.) [Bonjour, 1985, p. 142]. Возможно, это замечание не имеет особого значения для предмета нашей статьи. В конце концов, изначально нас интересовало только то, как можно представить (существует ли подходящая философская теория) «ненамеренные убеждения» в структуре обоснования знания в ситуации, когда мы ограничены исключительно одним источником (типом) данных. Однако (и совершенно неожиданно для нас), анализ понятия «метаобоснование», которое Л. Бонжур вводит для того, чтобы раскрыть ту разновидность рационализма, которая априорно обосновывает приближенную истинность всей системы, может привести к еще одному интересному следствию из гипотезы о том, что мы можем связать сохранение когерентности системы с соответствующим поведением «ненамеренных убеждений».

Л. Бонжур вводит понятие «метаобоснование» для того, чтобы подчеркнуть разницу в обосновании убеждений внутри системы и в обосновании того, что сама система является приближенно истинной (truth-conductive): «Основная задача теории эмпирического знания разбивается на две: дать представление о стандартах эпистемического обоснования, дать метаобоснование того, что предлагаемые стандарты являются адекватными. Предлагаемые стандарты эпистемического обоснования будут являться верными (correct), только если мы знаем, что они на самом деле ведут (conductive) по направлению к нашей когнитивной цели – к истине. И это единственный способ защитить нашу теорию от конкурентов и скептиков» [Bonjour, 1985, p. 9]. Естественно, вместе с обсуждением стандартов обоснования убеждений внутри системы мы должны поговорить и об обосновании этих стандартов. Подчеркивается, что эти два обоснования должны быть разными по своей природе: обоснование убеждений в рамках когерентной системы является апостериорным, а метаобоснование – априорным: «Как только априорная пропозиция становится понятной, ничего, *кроме самого этого понимания*, не требуется, – не нужно апеллировать к каким-то еще стандартам, чтобы “увидеть”, что пропозиция истинна, а значит, ничего больше не требуется, чтобы понять, что она обоснована. В то время как это не верно для эмпирических пропозиций, которые не являются необходимо истинными» (курсив автора. – Н. Г., И. Э.) [Там же, p. 211]. Подобный ход рассуждений по своей природе фаундалистский – априорные убеждения обоснованы непосредственно, без апелляции к другим убеждениям: «Когерентность [в концепции Л. Бонжура] не является сущностной (essential) характеристикой, она причастна только апостериорному обоснованию. Субъект не должен *показывать*, что интуитивное понимание ведет к истине. И этот момент тревожит. Эпистемическое обоснование должно *быть унитарным*. Должна быть характеристика (или их семейство) общая для всех обоснованных убеждений – это именно то, о чем должна быть (provide) теория эпистемического обоснования... Переход к априорному обоснованию только откладывает неизбежное: не должно ли быть *еще одно априорное метаобоснование, для каждого априорно обоснованного убеждения*» (курсив наш. – Н. Г., И. Э.) [Goldman, 1989, p. 113]. И вот эти моменты, на которые указывает

А. Голдман, – наличие общей характеристики для всех обоснованных убеждений и необходимость где-то остановить «регресс метаобоснования», – важны.

На наш взгляд, все рассуждения до сих пор велись исключительно в рамках традиционной для философии науки определенного периода, «аналитической» перспективы. В то же время, говоря о соотношении «теории» и «данных» в исторических науках, достаточно сложно отделаться от ощущения, что мы обсуждаем обоснованность «нарратива», который может быть весьма далек от идеала, в роли которого выступает физическая теория. Одно дело, когда вы работаете с теориями, условно, «допускающими дедуктивную систематизацию данных», т.е. имеете возможность (при прочих равных и с учетом оговорок при определении «теоретического» и «эмпирического», а также понимании «реального» и «идеального» представления знания) апеллировать к законам, к гемпелевской модели (и производным от нее моделям) объяснения и, конечно, к гипотетико-дедуктивной модели обоснования знания, – как к основной и чуть ли не единственной методологической схеме, закрепляющей связь теории и данных. Здесь вы имеете полное право рассматривать, например, каноническую интерпретацию вывода к лучшему объяснению. Другое дело, когда мы говорим об истории и археологии (а также о биологии, геологии, археологии, медицине, криминалистике) и других областях знания, в которых всего этого, по-хорошему, нет. Здесь теории никогда не смогут быть такими же строгими, как в физике и химии, но от этого они и не являются менее обоснованными, менее «научными». Сам факт того, что в этих областях знания связь теории и данных не является следствием «априорно принятой логической схемы взаимосвязи теории и данных» (Л. Лаудан), – просто потому, например, что под «законом» здесь может пониматься любой достаточно устойчивый паттерн аргументации, в лучшем случае, хорошее (по Дж. Миллю) индуктивное обобщение, – не означает, например, что у нас не может быть своего, адаптированного именно под данное «нарративное объяснение» вывода к лучшему объяснению. Это значит, что для того чтобы более адекватно говорить о возможностях интерпретации рассуждений П. Коссо в терминах концепции эмпирического знания Л. Бонжура, в наши рассуждения необходимо внести элемент контекстуальности, отражающий особенность структуры обоснования убеждений именно в рассматриваемой ситуации.

В двух словах, проблема заключается в том, что у нас есть субъект, который схватывает содержание определенной когерентной системы убеждений и обладает способностью формулировать новые «ненамеренные убеждения», которые он стремится обосновать внутри системы и тем самым устраивает проверку системы на когерентность. Если когерентность сохраняется, то всегда есть шанс, что тем самым мы подтвердили тезис, что система (если она уже выдержала несколько таких проверок) является приближенно, в каком-то возможном смысле, истинной. Если первоначальная когерентность не сохраняется, то мы, при прочих равных, вынуждены задать (придумать) новые основания для восстановления с учетом новых данных когерентности внутри системы и, по идее, переходим к проверке уже новой системы убеждений. Чем дольше живет (противостоит про-

веркам) система, тем больше мы в ней уверены⁹. В этом смысле заключение, к которому приходит П. Коссо, во многом не в пользу Фукидида. Наличие достаточно обоснованных «ненамеренных убеждений», которые нарушают предполагаемую связность того, о чем говорится в «Истории», – это достаточный признак того, чтобы предположить, что альтернативные объяснения (как основания для выстраивания «новой когерентности») хорошо обоснованы и что, возможно, нам следует признать нарратив «Истории» недостоверным. И это заключение подтверждается как рассуждениями П. Коссо, так и логикой когерентистской концепции эмпирического знания Л. Бонжура. Однако остаются еще А. Голдман и предположение о необходимости порассуждать о контекстной зависимости вывода в конкретной ситуации, предполагающей, что обоснование знания ограничено исключительно одним источником (типом) данных.

Как можно включить соображения контекстной зависимости вывода в рассуждения о том, что обоснование «ненамеренных убеждений», т.е. включение их в когерентную систему, будет играть существенное значение с точки зрения «сохранения когерентности перед лицом новых данных»? Мы должны интерпретировать этот вывод как *немонотонный*. Почему Л. Бонжур вынужден разделять эмпирическое обоснование убеждений внутри системы и априорное метаобоснование? Потому что он хочет оставаться «аналитическим» философом. Несмотря на то что Л. Бонжур различает когерентную теорию истинности и когерентистскую концепцию обоснования (и допускает, что последняя может соотноситься с корреспондентной теорией истинности), он все равно говорит о «правилах, к которым мы обращаемся для того, чтобы решить, является ли нечто *истинным* или нет» (курсив наш. – Н. Г., И. Э.) [Bonjour, 1985, p. 88]. Более того, говоря собственно о «когерентности», речь идет о том, что «логическая совместность (consistency) является необходимым условием когерентности» [Там же, p. 95] и что «ошибочно слишком близко ставить [отношения] когерентность и объяснение» [Там же, p. 100]. В конце концов, книга Л. Бонжура выходит в 1985 году и нацелена на «классический» для современной эпистемологии контекст, связанный с именами Р. Чизолма, Н. Решера, А. Голдмана, М. Уильямса и других. Между тем, уже давно существует (и никуда не исчезала) традиция, в которой вывод не обязан быть дедуктивным. Здесь можно вспомнить С. Тулмина о том, что в общем случае правила аргументации не обязаны следовать паттерну, заданному геометрией как дедуктивной системой: «Мы можем доказать, что сумма углов треугольника 180 градусов, посредством дедукции, не измеряя и не наблюдая актуальный треугольник. Указание на актуальные треугольники не необходимо, чтобы доказать теорему, оно *не является адекватным основанием для того, чтобы пересмотреть теорему, которые выводятся из постулатов*» (курсив наш. – Н. Г., И. Э.) [Toulmin, 1976, p. 77]. Любая (достаточно) формальная система вывода апеллирует правилами вывода и «теоремами», которые получены посредством этих правил. Естественно, когда мы говорим о логике, ключевое свойство формальной системы – совместность (consistency). Смысл в том, чтобы все «теоремы» были бы истинны одновременно, поскольку в полной (complete) и совместной системе

⁹ В каком смысле приведенные рассуждения отвечают тому, что можно найти у Т. Куна или И. Лакатоса, решать читателю.

правила вывода не позволят вам сделать ложный вывод. В *монотонной* системе любая новая «теорема» будет совместна с предыдущими. Однако в *немонотонной* системе множество «теорем» будет постоянно пересматриваться. Рискнем предположить, что, когда С. Тулмин говорит о «пересматриваемом» (*revisable / tentative*) выводе, он представляет его как часть формальной *немонотонной* системы¹⁰. Когда мы обсуждаем то, как «ненамеренные убеждения» способны изменить наше представление о достоверности когерентной системы убеждений о каком-то событии в прошлом, мы можем считать систему *немонотонной*. Во-первых, никто и никогда не скажет, что подтверждение гипотезы в исторических науках сродни доказательству теоремы в математике. Во-вторых, понимание того, что мы работаем в *немонотонной* системе, избавит нас от необходимости жестко различать «эмпирический» и «нормативный» контексты. В такой системе «метаобоснование» не нужно. Л. Бонжур разделяет обоснование и метаобоснование потому, что его представление о «законченности» (*conclusiveness*) вывода апеллирует к условной «логической» парадигме, в которой именно «опровергаемость» (*defeasibility*) отражает представление о том, как может измениться обоснование вместе с изменением объема данных¹¹. Поэтому он и настаивает на априорном характере метаобоснования ввиду его «неопровергаемости» данными. Если мы изначально зафиксируем то, что обоснование в когерентной системе *немонотонно*, то никакая «унитарность» (по А. Голдману) эпистемического обоснования, как общая характеристика для всех обоснованных убеждений, нарушена не будет. Точно так же, как не будет проблемы «регресса метаобоснования».

В заключение кратко отменим еще один момент, который может быть полезен в плане понимания структуры обоснования знания в ситуации, когда мы ограни-

¹⁰ Тем интереснее типология *немонотонных* выводов, которую приводит В. Лукаевич (см.: [Lukasiewicz, 1990, p. 84–87]). Все отмеченные им типы выводов: «прототипический» (характеристика верна для вида (*type*), но может нарушаться в конкретном случае), «предположительный» (в практической деятельности предположение всегда опирается на опыт, а не на категориальные различия), «вероятностный» (акцент на субъективной вероятности), «лучшая догадка» (в ситуации с неполной информацией ни одно действие нельзя считать *непоследовательным*), – можно легко проинтерпретировать и для концепции Л. Бонжура, и в рамках реконструкции П. Коссо.

¹¹ Здесь можно вспомнить традиционный уже спор о том, как Б. Рассел и А. Уайтхед испортили философию, буквально навязав всем «математическую» интерпретацию логики. В «классической» парадигме, у Аристотеля, «убедительность» (*persuasiveness*) вывода предполагала, кроме прочего, также «достоверность» (*soundness*, посылки должны быть истинными), «релевантность» (посылки и заключение должны быть связаны, т.е. должна быть возможность их содержательно соотнести друг с другом) и «полезность» (в смысле расширять имеющееся знание). В «современной» парадигме все эти характеристики потерялись и заменены одним требованием «правильности» (*validity*). Да, Б. Рассел и А. Уайтхед сделали большой шаг вперед в том, что касается понимания того, почему мы можем доверять выводу в формальных системах. Однако, когда мы говорим о науках, в которых нет и не может быть «дедуктивной систематизации данных», мы не должны смотреть в них на вывод исключительно с формальных позиций. Более того, предполагая, что обоснование в системе убеждений в концепции Л. Бонжура *немонотонно*, у нас, например, появляется возможность содержательно различать «вероятностный» (по В. Лукаевичу) и «логически опровергаемый» выводы, что может иметь значение, когда мы выступаем в роли П. Коссо.

Отдельно, говоря о различии «эмпирического» и «нормативного» контекстов, здесь также можно вспомнить о проекте натурализации (У. Куайн, М. Девитт и др.), где также подчеркивается, что различение этих контекстов не будет иметь значения, если мы сведем все многообразие философского дискурса к одной практической перспективе. В этом смысле всю «аналитическую философию» можно считать «натурализованной на материале математической логики».

чены исключительно одним источником (типом) данных. И сами «ненамеренные убеждения», и их содержание, и понимание их обоснованности внутри системы, и понимание того, нарушают ли они когерентность или нет, являются *паттернами*. На наш взгляд, не нарушая общности рассуждений Д. Деннета, мы можем считать «ненамеренные убеждения» и все сопутствующие «заключения», которые их касаются в рамках рассматриваемой ситуации, паттернами, т.е. «устойчивыми элементами, которые мы выделяем из некоторого набора данных в рамках некоторой “интерпретирующей перспективы”, как функционально значимые описания» (см: [Dennett, 1991])¹². Более того, после того как Д. Росс проинтерпретировал концепцию Д. Деннета как фундаментальную концепцию существования: «Существовать – значит быть реальным паттерном; паттерн является реальным, если (i) он может быть проекцией (projectible) относительно, по крайней мере, одной физически возможной перспективы; (ii) он содержит [нетривиальную] информацию относительно, по крайней мере, одной структуры события или об объекте S. При этом эта информация является более продуктивной (efficient), чем тривиальное представление (bit-map encoding) S, в том смысле, что в рамках заданной проекции, отвечающей выбранной физически возможной перспективе, существует такой аспект S, который невозможно было бы обнаружить (track), если бы данная перспектива не была бы зафиксирована» [Ross, 2000, p. 161], понятие «реальный паттерн» становится крайне привлекательным с точки зрения раскрытия содержания представления о контекстуальном контингентном выводе. Если мы хотим подчеркнуть в исторических науках контекстную зависимость вывода от конкретной ситуации, то вместо того чтобы просто говорить об «убеждениях» и «обосновании», которые в обыденном смысле полагаются объектами своей особой эйдетической природы, мы можем воспользоваться гораздо более инструментальным их представлением, которое, в частности, наглядно продемонстрирует саму контекстуальность (например, за счет фиксации «интерпретирующей перспективы» и «функциональной значимости» проекции) без необходимости переходить от «аналитической» перспективы к «феноменологической» с подчеркнутой демонстрацией преимуществ именно нарративного описания истории.

¹² В данном случае (мы благодарны Игорю Евгеньевичу Присю за высказанные замечания) важно подчеркнуть, что «паттерн» – это не только объект сам по себе (электрон), но и убеждение, фиксирующее «процессуальную характеристику» объекта, например, «обоснование убеждения, что за окном идет снег» – это паттерн, который именно «кем-то выделен как устойчивый элемент из некоторого набора данных в рамках некоторой “интерпретирующей перспективы”, потому что он по каким-то основаниям функционально значим». В этом смысле в утверждении «это яблоко красное» (мы стоим на рынке перед лотком с яблоками и указываем на одно из них) можно выделить как минимум три (на самом деле больше, в зависимости от принятой базовой онтологии) паттерна – «яблоко», «красный цвет этого яблока сейчас», а также убеждение, которое связывает «в заданной интерпретирующей перспективе» яблоко и соответствующую моду красного цвета яблока. То, что фиксирует в каждом конкретном случае убеждение о состоянии «обоснованности» или «когерентности» (при условии, что мы можем приписать этому убеждению какой-то эпистемический статус), также является паттерном.

Список литературы / References

- Bonjour L.** The Structure of Empirical Knowledge. Harvard University Press, 1985.
- Dennett D.** Real Patterns // Journal of Philosophy. 1991. Vol. 88. P. 27–51.
- Kosso P.** Historical Evidence and Epistemic Justification: Thucydides as a Case Study // History and Theory. 1993. Vol. 32. No. 1. P. 1–13.
- Lukaszewicz W.** Non-Monotonic Reasoning: Formalization of Commonsense Reasoning. New York: Ellis Horwood, 1990.
- McCullagh C.** Justifying Historical Descriptions. Cambridge University Press, 1984.
- Putnam H.** Models and Reality // Journal of Symbolic Logic. 1980. Vol. 45. P. 464–482.
- Ross D.** Rainforest Realism: A Dennettian Theory of Existence // A. Brook, D. Ross, D. Thompson (eds.) Dennett's Philosophy: A Comprehensive Assessment. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. P. 147–168.
- Toulmin S.** Knowing and Acting. New York: Macmillan, 1976.

Информация об авторах

- Головко Никита Владимирович**, доктор философских наук, доцент
¹Заведующий кафедрой онтологии, теории познания и методологии науки, Новосибирский государственный университет;
²Ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН
- Эртель Илья Игоревич**, магистр философии
Младший научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН

Information about the Authors

- Nikita Golovko**, Doctor of Sciences (Philosophy)
¹Head of the Chair of Ontology, Epistemology and Methodology of Science, Novosibirsk State University;
²Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS
- Илья Ertel**, MA (Philosophy)
Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS

*Статья поступила в редколлегию 17.12.2022;
одобрена после рецензирования 19.12.2022; принята к публикации 26.12.2022*
*The article was submitted 17.12.2022;
approved after reviewing 19.12.2022; accepted for publication 26.12.2022*